

антонина
калинина

РУССКИЙ
ГУЛЛИВЕР

БЕРЕСКЛЕТ

Антонина Калинина

Бересклет

ИП «Центр современной литературы»

Калинина А.

Бересклет / А. Калинина — НП «Центр современной литературы»,

ISBN 978-5-91627-061-7

Это первый стихотворный сборник Антонины Калининой, в который вошли ее собственные стихи и переводы из Константиноса Кавафиса, Ханса Кароссы, Антонио Вивальди и других авторов.

ISBN 978-5-91627-061-7

© Калинина А.
© НП «Центр современной литературы»

Содержание

Предисловие	6
Глас хлада тонка	7
1. Стихи	10
1. Бересклет	10
2. Последний праведник	11
3. Благовещенье	12
4. Бирюза	13
5. Кукушкины слезки	14
6. «И лето склоняется долу...»	16
7. Орфей	17
8. Мы по темной дороге неслись	19
9. «Понедельник, вторник...»	20
10. Ветхий дом	21
11. Берлинское метро	22
12. Tiergarten	23
13. «Я слышу колокол дальний...»	24
14. Отчуждённость	25
15. Разбитая колесница	26
16. Монета	27
17. Чужая комната	28
18. Воскресное утро	29
20. Счастье	30
21. «Драгоценного на свете мало...»	31
22. «Время напрасно ушедшее...»	32
23. Шаги и голоса	33
24. Тень	34
25. Византийская выставка в Лондоне	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Антонина Калинина

Бересклет

Антонина Калинина родилась в Москве в 1978 г. Окончила филологический факультет Московского университета, защитила диссертацию по классической филологии в Берлине. С 2000 г. занимается стихотворным переводом. Стихи и переводы публиковались в альманахе «Век перевода», «Альманахе Новой камеры хранения», в журналах «Иностранная литература» и «Крещатик».

Предисловие

Все здесь настоящее – новое, потому что древнее.

Знаешь, раскрылся уже бересклет
Птичьим карминно-оранжевым оком.
Вспомнишь ли время, которого нет
Слушая гаснувший в небе широком
Поезда гул или пенье планет?

Увидишь голубиным глазом бересклета – вспомнишь. Антонина Калинина живет сейчас в Оксфорде, поэтому я представляю: этот сборник – живой Эймолиэн: и фрагмент Пергамского алтаря, и египетская кошка – в ухе сережка, и комнатка в ветхом доме детства, и яркосинее Благовещение Учелло, солнечный ветер, глас хлада тонка, и простая зегзица, и Крест...

Станут ли кости мои бирюзой
Яркой, как просинь небес пред грозой?

Любимый маленький сборник – 50 стихотворений и переводы... и я никогда не успеваю прочитать его целиком (как список кораблей), потому что меня накрывает большая волна, захлестывают жизнь и смерть, разноцветные смыслы начинают звучать во мне уже другими голосами и, благодарно-легкомысленно, я почти забываю прозрачные жертвенные стихи, через которые они вошли.

Я здесь один, и никто не замечает,
Как я тускнею, и все вокруг ярчает.

И ярко-мгновенно-хрупкое, и предчувствие счастья, и великая печаль – арфы на раките, просто так их бессмысленно трогать, не зазвучат, если ты не Давид-пастушок, не «школьник, вернувшийся с прогулки». Вот это все есть в стихах Антонины.

Древние метры, чужие стили – меч в камне, чтобы их поднять, ими «оперировать», требуется не личная сила, а избранность. Вот это я чувствую в ее «стилизациях» и переводах.

А чтобы нам не умереть от серьезности, есть Тонино чувство юмора, котик в чемодане, котяра на холодильнике... Или пойдешь, путник, погляди в светлой печали на псевдоантичный фриз, умились, как жадюга Циммерман кормит баранкой антилопу гну... и Бог тебя простит.

Елена Ванеян

Глас хлада тонка

Человек культуры живет на всем громадном пространстве мировой культуры. Антонина Калинина – филолог-античник, переводчик с нескольких языков (а в числе переводимых авторов такие разные и глубокие поэты, как Кавафис, Каросса, Антонио Вивальди, Эудженио Монтале, Роберт Бриджес), она же автор диссертации об античных комментариях к Горацию. Если бы мы не знали этого – могли бы догадаться по культурной насыщенности текстов, по обилию аллюзий, по строгой музыке стиха, по античным размерам... Но ведь классическое образование – тяжелый багаж для поэта, разве нет? (Не сказал ли Сами-знаете-кто, что поэзия должна быть глуповата?) Нет – если драгоценное наследие столетий не лишает зрение остроты и не препятствует, ощущая связь каждого мгновения с протекшими веками, остро чувствовать и его неповторимость. Все повторяется, но все – словно в первый раз.

Стихи Калининой – глубокие стихи, и не любому читателю они дадутся, но своего читателя – вознаградят сторицей. Потому что помимо трехтысячелетней культуры в них живо шиюминутное, непосредственное чувство, доподлинность остановленного мгновения, а изысканные античные размеры звучат так уверенно и непринужденно, как будто сейчас родились. Здесь все переплетено и взаимопроницаемо – и сапфическая строфа звучит из уст юной студенточки —

Вот и выходной, а на сердце пусто;
Тикают часы да шуршат страницы.
Все пошли в кино, всяк гуляет купно —
С парюю пара.
Неужели так и сидеть мне дома?
Жизнь в восемнадцать лет – это, сестры, старость:
Года два всего-то нам и осталось
Младости сладкой...

– а в привычном белом стихе, описывающем обыкновенное воскресное утро, сами собой рождаются античные образы —

...на зеркале следов не остаётся,
и, вглядываясь, прошлого лица
под нынешним лицом не различаю.
Тезей один на берегу пустынном,
и Ариадна сматывает нить,
и Пенелопа от станка отходит...
Пустынен лист; и комната другими
наполнена тенями и шумами.
и я одна в кругу воспоминаний...

Это поэзия глубокой мысли, интенсивного чувства. Но самое сильное чувство живет в поэзии лишь постольку, поскольку поэт преобразует его в слово – поэтому и отношение поэта к слову не такое, как у нас: для него это не инструмент, а изделие, творимое им, но и его творящее. Вот очень характерное для Калининой стихотворение:

Слышен шепчущий шум океана
Сквозь закрытые створки окна,

Но с волною душа неслиянна,
Поднимающей щебень со дна.

Вечность камня и неба ночного
Одинаково сердцу страшны –
Только в трепетной вечности слова
Мы прошедшее видеть вольны.

Что его очищающей властью
Освятилось, то сердцу родней —
Потому-то предчувствие счастья
Настоящего счастья сильней.

Слова послушны поэту. Высокая лирика, пейзаж, подражание псалму... Блестящие образцы стилизации – чего стоит только восхитительное подражание городскому романсу «Зеленые глаза» или смешнейшие «детские стихи» об отъезде кота на историческую родину (в Египет):

Валерьянки quantum выпит,
Кот развеселен и пьян.
«Чемодан, вокзал, Египет!» —
Воскликнул он, дик и рьян.
Позвонив в Аэрофлот,
Взял билет на самолет.

Или «Гимн коту» – это уж подражание чему-то ассиро-вавилонскому или шумерскому:

И когда в гневе он, фыркает, как паровой утюг,
Когда благосклонен, мурлыкает он!
Поднесем же ему сметаны от сметан наших,
Почтительно расчешем власы хвоста его —
И тьфу-тьфу-тьфу на него, тьфу-тьфу-тьфу на него

Отдельно следует сказать о переводах А. Калининой. Поэтический перевод – жанр парадоксальный: ведь поэзия не существует сама по себе, отдельно от языка, на котором создается, стихи на другой язык неперевоимы. Неперевоимы! – и когда все-таки оказываются переведены, то это всегда чудо. И то, что эти чудеса почему-то повторяются, и мы можем немало их перечислить – еще большее чудо.

Поэтический дар и дар поэта-переводчика – разные дарования. Переводческое дарование – особое, оно протеческое, сродни актерскому – а актер, играющий, например, Наполеона, не обязан сам быть великим полководцем. С другой стороны, я могла бы назвать нескольких крупных поэтов, которые, переводя, остаются собой, а не перевоплощаются в переводимого (Пастернак в первую очередь). Калинина – перевоплощается. Ее Кавафис – поэт из самых «неперевоимых», но перевоимый снова и снова, чья поэзия уникально сочетает скепсис и трагическую иронию XX века с античной ясностью и высокой простотой, – в переводе Калининой прост, ясен и трагичен.

И каждый из переведенных ею поэтов говорит только ему присущим голосом. Если же говорить о том общем, что присуще им всем, а также и собственным стихам А. Калининой

– то это отсутствие вычурности, истерики, нагнетания эмоций – того, чем грешило так много поэтов минувшего столетия.

Калининским стихам присуща простота – глубокая и сложная простота, приходящая как итог долгих размышлений и глубоких чувств. При чтении этих стихов вспоминаются удивительные слова великой Книги:

Большой и сильный ветер... после ветра землетрясение.. после землетрясения огонь... после огня веяние тихого ветра.

Или, по-славянски, глас хлада тонка.

Александра Петрова

1. Стихи

1. Бересклет

(вариации на тему одного ромansa)

Ветер и вишня бросают в окно
Горстку заученных нот сарабанды,
Тонкого ливня немое кино
Льётся за окнами утлой веранды —
Это корабль, утонувший давно.

Бледная радуга вдруг озарит
Мир, окольцованный узкоколейкой,
Робкая рябь по воде пробежит,
Мальчик с ведерком идет за уклежкой,
Поздний кузнечик в траве зазвенит.

И от зари загорится простор
Выцветшей нивы и ярких озимых,
чисто омытый откликнется бор
голосом, спрятанным в неопалимых
звонких деревьях его до сих пор.

Знаешь, раскрылся уже бересклет
Птичьим карминно-оранжевым оком.
Вспомнишь ли время, которого нет
Слушая гаснувший в небе широком
Поезда гул или пенье планет?

2004

2. Последний праведник

Ангел смерти выходит из дома Лота,
Праведнику десницей закрыв глаза.
На заре проходят сквозь городские ворота;
Тишина; кузнечик стрекочет; близка гроза.

Высохла пальма; колодец пуст; отравлены брашна.
В городе весть разносится: умер Лот.
Последний праведник умер – и, значит, страшное
В Ниневии и в Содоме грядет.

Ноябрь–декабрь 2005

3. Благовещенье

Холодно чистое небо пока,
Выпорхнет птица, сорвавшись с шестка,
Свист издалика заслыша.
Сквозь колыханье воздушных слоев
Слышно биение колоколов —
выше, и выше, и выше!

Быстр алебастр, чист небосвод,
Носится голубь над просинью вод.
Скоро и Пасха настанет.
Долго ли – теплое время придет,
Стриж в переносице брови сомкнет,
В небо прогретое прянет.

Солнечный ветер подул и накрыл
Пару трещеткой распахнутых крыл,
Перьев сквозистых гребенку.
Вяхирь и ветер отныне – одно,
Пресуществление солнца в вино.
Глас хлада тонка.

май 2007

4. Бирюза

Ветер вздымает натянутый плат.
Там, в вышине, бирюза и агат.

Кто же с волною еля смешал
Стёртый в прозрачную пыль минерал?

Стриж, вдруг ныряющий вниз головой,
Воздух кромсает в клочки предо мной.

Что же и верность, и совесть моя?
Вихря поглотит меня полынья.

То, что идёт неизбежной волной
с юга и севера, вновь надо мной.

С юности ты мне знакома, гроза!
Молнией мне застилает глаза.

Всё оживлённей мерцание спиц,
Слышится гром грозовых колесниц.

Крик потревоженных бурей птиц,
Лестницы лиственниц, вспышки зарниц.

Вод нисходящих раздробленный вес
Рушится волнами ветра на лес.

Станут ли кости мои бирюзой,
Яркой, как просинь небес пред грозой?

Слов набегающих асиндетон,
Глохнувший гром, затихающий звон

Лопнувшей лампы; осколки слюды,
Всё заглушающий шорох воды.

Небо сгустилось уже надо мной –
Станут ли кости мои бирюзой?

2005

5. Кукушкины слезки

(заплачка)

Дождик летний пролетел да заглохнул,
Путь песчаный понамок – да просохнул.

Небо синее горит облаками,
Поле желтое цветет васильками.

Дождь прошел – запричитала кукушка,
Откликаются овраг да опушка.

Как на Троицу да как на Купалу
Звонким голосом она куковала.

Только слезки у нее и остались –
Ах, куда ж ее птенцы подевались?

Подросли, из гнезд чужих улетели –
Вдалеке закуковали-запели.

«Ах я сирая, куда мне под старость –
Только слезки у меня и остались,

Да и в юны годы я сиротела,
Моя матушка сама улетела».

Травка бедная, кукушкины слезки,
В перелеске все сосна да березки.

Горько, жалобно она куковала –
Матерь Божия ее приласкала:

«Ты не плачь, не плачь, простая зегзица,
Голосок твой чист и свеж, как водица,

Не одни твои птенцы сиротливы —
Все вы сироты, покуда вы живы».

Я у поля, у опушки стояла,
Да про тот про разговор услышала.

А во поле васильки да гвоздика,
А в лесу уж отошла земляника.

За оврагом тень полдневная ляжет –
Свежий голос мне о смерти расскажет.

Дождик летний пролетел да заглохнул,
Путь песчаный понамок – да просохнул.

2010

6. «И лето склоняется долу...»

И лето склоняется долу,
как ветви под тяжестью звёзд,
И лунные пятна по полу
Скользят вдоль паркетных борозд

О дом мой, как холодны стены,
Когда же ты так обветшал?
На зеркале звёзды вселенной
Нам август опять начертал

А воздух – холодно-тверёзый
Слезящийся, гулкий, грибной
И небо склонилось берёзой
Седеющей над головой.

2005

7. Орфей

Che farò senz'Euridice?

Свод небес, зимой затменных,
Опрозрачился до дна.
На обители блаженных
Надвигается весна.

Цвета моря и сирени
Округленный окоем.
Как черно ложатся тени
В бархатистый глинозем!

И под небом невечерним
Согревается земля,
Постелив к стопам дочерним
Вновь расцветшие поля.

Светоносный, золотистый,
Первый баловень весны —
Вспыхнул крокус остролистый
У подножия сосны.

Сладко имя «Прозерпина».
Семицветная дуга —
Мост, от темного притина
Переброшенный в луга.

Здесь, у берегов блаженных
Жду я – вдруг уже пришли
Из пределов отдаленных
Золотые корабли?

Из пределов, где так поздно
Ноздреватый снег лежит,
Где июньский гром так грозно
И торжественно дрожит.

Дождь прольется над садами,
Что мне памятно поднесь,
Что стоят перед глазами
В поволоке слез и здесь.

И, едва блеснув, излука
Речки, вьющейся в лугах,
(О, промолвишь ли – «разлука»?)

Вновь угаснет в берегах.

Обернусь – и не узнаю
Тени, что идет за мной
Вдоль расселины, по краю,
нерешительной стопой.

Эвридика, Прозерпина –
Не успею прошептать,
Островная примет глина
Легких стоп твоих печать.

2008

8. Мы по темной дороге неслись

Мы по темной дороге неслись,
Словно искры бенгальских огней,
И смеркалась глубокая высь,
Что ни звезд зажигалось на ней.

Что ни звезд – то в долине домов
Щедрой горстью рассыпала ночь.
Чей-то тускло мерцающий кров
За холмом, уносящимся прочь.

Оттого ли на сердце темно,
И оно, чем темней, тем полней,
Что свободы нам знать не дано,
Кроме этих летучих огней?

Все быстрее мы летим и вольней,
Словно веса навек лишены.
И как горсть самоцветных камней
города за холмами видны.

Фонари, фонари, фонари...
Ночь вокруг, словно звездная новь.
И мерцает в груди до зари
Захватившая сердце любовь.

2008

9. «Понедельник, вторник...»

(сапфическая строфа)

Понедельник, вторник, среда – а после
Четверток придет с параскевой вместе,
Наступает тихий канун субботы —
И воскресенье.

Вот и выходной, а на сердце пусто;
Тикают часы да шуршат страницы.
Все пошли в кино, всяк гуляет купно —
С парюю пара.

Неужели так и сидеть мне дома?
Жизнь в осьмнадцать лет – это, сестры, старость:
Года два всего-то нам и осталось
Младости сладкой.

И на книгу каплют горячи слезы.
Говорит сестра: что же ты за дура,
Мне уж двадцать семь – неужель и мне ты
Скажешь «старуха»?

Вот сидит, какмышь на крупу надувшись!
На, возьми билет, ну-ка нос напудри,
Причеши скорее тугие кудри —
И на джеймс-бонда.

2007

10. Ветхий дом

1

Здравствуйте. Это квартира
Двадцать пять?
Можно у вас кое-что забрать?
Забытое при переезде
В тысяча девятьсот восемьдесят шестом.

Глоток морозного воздуха
Из заиндевелога окна.
Вечера
в постели без сна.
Новоприобретенное
Уменье читать и писать.
Отражение в зеркале
Когда мне лет пять.
Сумерки, голоса, электрический свет,
Полосами ложающийся
На желтый паркет.

Забыто
В восемьдесят шестом году.
Впрочем, вряд ли я это найду.
Ни у вас,
Ни в соседней квартире
Номер двадцать четыре.
Ни в целом мире.

2. Первый снег. Санки

Брежжат тьмою пасмурные дни,
И в разрывах между облаками
Темных звезд соленые огни
Расцвели горючими кругами.

Тьма повсюду. Я хочу уснуть.
Школьник я, вернувшийся с прогулки.
Обновляют слезы санный путь,
И темнеет рано в переулке.

11. Берлинское метро

Под вечер, в дымке тёмно-синей,
Где блёстки бледных фонарей
Не освещают, а скорей
Скрывают сочетанья линий –

Когда окончены дела,
И только в зеркало перрона
Глядится смерть из-за угла, –
Войти в прозрачный свет вагона.

И в гладкий лак вагонных окон
Смотреть, глотая на лету
Огнями уличных потоков
Пропитанную темноту, –

А после выйти, отраженье
Своё оставив позади –
Разомкнутое на мгновенье
Слепою раною в груди, –

Вместившей: мост под фонарями,
Кафе, два деревца, крыльцо –
Где вечер смотрит мне в лицо
Как бы незрячими глазами.

Октябрь–ноябрь 2001

12. Tiergarten

Каштан с тугим и ладным стуком
Отскочит из-под колеса,
Взовьется птица в небеса
С трепещущим и влажным звуком.

Быстрей, быстрее – под плащом
Тепло, и цепь жужжит, как прялка, —
И вперемешку с травкой жалкой
Шуршит песок под колесом.

Пешком... Но лучше под дождем
Катиться на велосипеде —
Под слоем листьев темной меди
Угадывая водоем.

И два сливаются следа
В одном стремительном движенье,
Пока летим мы вдоль пруда
Со скоростью впечатленья.

Раскрылись широко глаза,
Дождь черные слепил ресницы —
И как при взмахе крыльев птицы,
Слетела с копий их слеза...

В тумане явственней видны
Все переходы перспективы —
И тонкой пеленою ивы
От ближних лип отделены.

Всё всматриваясь, мы летим
К посольским кованым воротам,
Так, может быть, за поворотом
Иную жизнь мы различим...

2001

13. «Я слышу колокол дальний...»

Я слышу колокол дальний,
Глубокий и нежный звон,
Когда мой город печальный
Уже во тьму погружён.

Мрак улицы затопляет
Высокой синей волной
И в тёмных окнах мерцает
Нежданною глубиной.

Как гулко синее небо!
Текучий воздух ночной
Доносит мне запах хлеба
И чёрной влаги речной.

На церкви Фридрих-Вильгельма,
Закованной в витражи,
Огнями святого Эльма
Певучая ночь дрожит.

Одною дрожью наполнен,
Катит из страны в страну
Напев с её колокольни
Мерцающую волну.

2002

14. Отчуждённость

Пролетай над землёю ночью,
Над своею страной пролетай,
Нет следа за твоею кормою,
И, осыпанный звёздной пылью,
Тверди милой чуть светится край.

Где безоблачна вечно погода,
Где надоблачный тающий рай,
В лёгких недрах небесного свода,
Небывалую чужую свободу,
По воздушным волнам пролетай.

Поднимайся всё выше и выше,
Там, где тьма развеивает свой стяг,
Ветер марево рвёт и колышет...
А внизу переливами пыщут
Как недавно угасший очаг,

Города... И к окну, невесомый,
Прислонись. Невозможно никак
Разглядеть то, что было знакомо,
Лишь лиловую бездну над домом
Различает небесный моряк.

Не постигнуть и умственным зреньем
Изменений размеренный ход;
Вот светает, и грусть в отдаленье
Точно так же, как гаснут селенья
Под крылом, отгорит и пройдёт;

Посмотри: ведь земля недвижима
В переливах подвижных теней.
Словно старость, чужда, нелюбима,
Но незыблема, непостижима,
Как и небо, столь чуждое ей.

2002–2003

15. Разбитая колесница

Тяжелый корпус медленно качнулся
И поднялся. Как сердце под ногами
Вдруг дрогнуло и замерло. Коснулся
Могучий ветер крыльев, и под нами
Открылся город, в золотых вкрапленьях
Своей прозрачной ночи – как кострище
Разметанное, в тусклых блесках тленья,
Где пламя не находит больше пищи, —
Словно следы паденья Фаятона –
Распавшейся осколки колесницы.
«Я проходил над адом, слышал стоны
И пламя опалило мне ресницы».

2002

16. Монета

...Тебя окликали и дальше не шли.
Монета, сверкнувшая в тонкой пыли,
На счастье подобрана смуглой рукой
И брошена в сумрак реки городской

В надежде вернуться по зову её.
Но слышишь – другое зовёт бытие,
Монета нашлась – поспеши же туда,
Где светел песок и прозрачна вода,

«Домой!» – окликают тебя голоса,
Закатная в воду уходит коса,
И вот ты стоишь над иною рекой
И держишь потерянный грош за щекой.

25 сентября 2004

17. Чужая комната

Проснись с ощущением, будто понятно
Событие в прошлом – далеком, ненужном —
Которое ты воскрешал многократно,
С которым ты ночью сидел, как с недужным.

Вставая, ты меришь шагами и взглядом
Такое чужое родное пространство
(Как чуждо все то, что находится рядом
Так долго, что вечностью мнишь постоянство).

Ты видишь чужую одежду на стуле,
Чужое лицо в расколовшейся выси,
Где тучи, такие большие в июле,
Свой бег ускоряют до медленной рыси.

И зеркало ты протираешь рукою,
И дверь открываешь туда, где сплетает
Мелодию ветер свою с тишиною
И прошлое сердце твое оставляет.

2004

18. Воскресное утро

День наступает. Просыпайся, ну же!
Ещё я есть. Есть комната, в которой
когда-то жили мы – но как поверить,
что это я? И я теперь не верю,
ни что ты есть ещё, ни что другие,
оставленные мною, существуют;
как это странно... Ложечки стучат
в соседней комнате. Сегодня воскресенье:
есть голуби на узеньком карнизе
и нет рабочих на лесах. Пойду
Затеплю маленький кофейник. Плачет
вода, вскипая, и шуршит огонь
о доньшко кофейника, и в окна
заходит серый день, и я всё вспомнить
пытаюсь
свою былую душу. Но напрасно:
на зеркале следов не остаётся,
и, вглядываясь, прошлого лица
под нынешним лицом не различаю.
Тезей один на берегу пустынном,
и Ариадна сматывает нить,
и Пенелопа от станка отходит...
Пустынен лист; и комната другими
наполнена тенями и шумами.
и я одна в кругу воспоминаний
и ощущений. Тихо. Вечереет.
Я лампу зажигаю. В лабиринте
Мерцает огонёк. Я засыпаю.

2004

20. Счастье

Слышен шепчущий шум океана
Сквозь закрытые створки окна,
Но с волною душа неслиянна,
Поднимающей щебень со дна.

Вечность камня и неба ночного
Одинаково сердцу страшны –
Только в трепетной вечности слова
Мы прошедшее видеть вольны.

Что его очищающей властью
Освятилось, то сердцу родней —
Потому-то предчувствие счастья
Настоящего счастья сильней.

2003

21. «Драгоценного на свете мало...»

Драгоценного на свете мало,
Радость на просвет омрачена,
И к воде искристой подмешала
Смуглая рука струю вина.

Сумрачна одежда чермной розы
И темны покровы мотылька,
Но как радуга прозрачны слезы,
Как вечерний сад, светла тоска.

2008

22. «Время напрасно ушедшее...»

Время напрасно ушедшее,
сумерки ранние, светлые...
Влажного ветра весеннего
в створы раскрытые веянье.

Замерло время бездонное,
Почками верба оделася,
Тени, далекие, давние,
Вновь от земли поднимаются,

Снова в оттаявшем воздухе
жить и дышать принимаются.
Тени ли веют фиалками?
Скоро в хрустальную вазочку

Встанут скрипучие ландыши,
Темный букетик тугой.

23. Шаги и голоса

Что чувствует земля, когда по ней ступают?
Что чувствует река, когда плывут по ней?
И, в немоте своей, в бездвижности своей,
Тот внемлет ли шагам и тихим голосам
Кого во тьме глухой и душной оставляют?

Есть дальний гул шагов, что бьют в земную грудь,
Есть дробный плеск весла, что воду разбивает,
И волны воздуха колышет и качает
Звук обращенья сфер, присущий небесам —
Но как мне хочется услышать где-нибудь

Родные голоса: пусть звонко окликают
Меня, и пусть в закат окрашен будет путь
Меж зреющих полей, что ветер овевает,
И гулкий, быстрый бег пусть вторит голосам.

2000

24. Тень

Крокусы бледно-лиловые,
Гости из мира подземного,
Вестники первой весны.

Тень из жилища забвения,
Ризою темной окутана,
пробует воздух стопой.

Вольница! Желты весенницы.
Пьёт она солнца сияние
вновь на зеленых лугах.

Как беззаботною бабочкой
выпорхнуть, зная, что вечером
ей воротиться домой?

Домы у теней все тесные.
Крокус раскрылся безлиственный
над бархатистой землей.

Рдеет гранатное яблоко.
Меркнет накидка шафранная.
Веет далекой грозой.

2009

25. Византийская выставка в Лондоне

Александрийские розы

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.